

В Е Р А В Ж И З Н Ъ, Р А Д О С Т Ъ, П О Б Е Д У

ЭТО БЫЛО в первую военную весну. В «клубном» помещении одного из предприятий Новосибирска, которое чаще всего служило общежитием для вновь прибывших рабочих, а сейчас едва ли не впервые использовалось по назначению: шло торжественное заседание, посвященное Международному женскому дню.

Как непохоже было оно на всем памятные, по-особому веселые, нарядные восьмимартовские праздники прежних мирных дней! И этот холодный, полутемный, наскоро прибранный зал. И словно скованные множеством тревог, усталые лица женщин, которые по десять с лишним часов выставляли у станков взамен мужей и сыновей.

Ровным, пожалуй, даже слишком ровным голосом читал докладчик свой доклад. Читал по заранее подготовленному тексту, аккуратно отпечатанному на машинке и методично вложенному, как полагаются, в дерматиновую папку «Для доклада». Но, хотя все, что он читал, было безукоризненно правильно и безусловно важно, слова его никли тут же, у кафедры, не достигая скамей. И каждая из женщин была занята своим. Кто углубился в раздумья. Кто просто дремал от усталости. А кто делился с соседкой очередной заботой.

И вдруг стряслось непредвиденное.

Авария на электростанции. Потух свет.

Докладчик, уже менее уверенно, чуть-чуть медленнее, чем раньше, произнес по памяти одну-две фразы и... замолк. Свет не зажегся. В зале зашуршали голоса. А докладчик молчал.

Шум нарастал. И тогда по собственному своему почину, без объявления, заговорила, буквально

но «взяла слово», старая, седая женщина, сидевшая в президиуме и до этого все время судорожно прижимавшая к себе и подкручивавшая, горестно покачивая головой, какой-то странный, вроде микрофона, аппарат.

Это была писательница Александра Яковлевна Бруштейн, на пьесах которой воспитался не одно поколение юных зрителей нашей страны. Мать фронтовика, волею судеб оказавшаяся в Новосибирске, она, несмотря на годы, болезнь, прогрессирующую слепоту и глухоту, работала за двоих, не выходя из гостиниц и рабочих общежитий, а в самые грозные дни подала заявление о вступлении в партию. И, хотя голос ее был негромок, да и дикция не отличалась совершенством, шум почти сразу замолк. И тотчас же возникла та ни с чем не сравнимая близость между оратором и слушателями, когда знаешь, веришь — каждое слово идет от сердца к сердцу.

Она говорила о том, что было так важно, так необходимо каждой из сидевших в зале. Говорила как мать, как старшая сестра, как товарищ по общей беде и по общей работе. И это был, вероятно, самый точный доклад о Международном женском дне, какой только можно было сделать в тот день — 8 марта 1942 года. И была во время этой речи ничем не нарушаемая тишина, и были взвизги смеха, чей-то плач, все

было, но главным было то, что у этих усталых, измученных женщин росла и наливалась живыми соками вера в жизнь, в радость. И крепла вера в победу, которую всем существованием своим, трудом и вдохновением готовили и здесь, в сибирской дали, героини Восьмого марта.

Света не было десять, двадцать минут. А Александра Яковлевна все говорила. Свет зажегся, она продолжала говорить... И лишь на одно мгновение — это случилось, едва зажегся свет, — ей пришлось прервать свое слово. В разительном противоречии с тем большим и серьезным, о чем она только что говорила, в зале вдруг раздался громкий смех. Но она и не подумала обидеться.

Да и как же было не смеяться, когда при ярко вспыхнувшем свете внезапно обнаружилось, что докладчик-то, оказывается, и не думал покидать свой пост. Переминаясь с ноги на ногу перед раскрытой папкой «Для доклада», он все время терпеливо поджидал, когда же сможет наконец продолжить свое громкое чтение. Впрочем, очутившись на свету, он как будто и сам ощутил неловкость положения и подстегиваемый общим смехом тотчас же нырнул за кафедру, растворившись где-то за кулисами... И вновь зазвучал близкий всем голос старой писательницы, привыкшей, как и свойственно подлинному пропагандисту-боль-

шевику, говорить с людьми «без бумажки».

ОБ ЭТОМ СЛУЧАЕ рассказывала как-то вечером в кругу друзей чудесная русская актриса Екатерина Павловна Корчагина-Александровская. И рассказывала с такой великолепной сочностью и зримостью характерных деталей, полновластной хозяйкой которых она всегда была, что, казалось, все это происходит вот тут же перед нами.

— А чего ж ты не досказываешь до конца?.. — вдруг прозвучал неожиданный вопрос давнего друга Екатерины Павловны, замечательной актрисы и большого человека, народной артистки республики Натальи Сергеевны Рашевской, которая все время молча, но с лукавой хитринкой на нее поглядывала.

— А чего досказывать. И досказывать-то нечего... Сама, Натальенька, знаешь, — слишком уж торопливо стала отмахиваться Екатерина Павловна, пытаясь перевести разговор на совершенно стороннюю тему. Но неумолимая Наталья Сергеевна, убедившись, что внятного ответа на ее «наводящие вопросы» не получить, стала сама досказывать — все до конца.

А конец был такой. Когда услышали аплодисменты, поставившие точку на речи Александры Яковлевны, слово было передано ее соседке по президиуму, народной артистке Союза ССР, депу-

тату Верховного Совета Союза ССР Е. П. Корчагиной-Александровской, в просторечии «тете Кате», как любовно ее звали все — и стар, и млад, и в Ленинграде, и в Новосибирске, словом, всюду, где она всегда оказывалась своей среди своих.

Оговорившись, разумеется, что она не умеет говорить, и тем не менее сказав именно те, что так были нужны людям, простые, добрые слова, тетя Катя попросила разрешения вместо речи прочитать отрывок из любимой роли — монолог Клары из афиногеновского «Страха». И — надо же! — едва начала она читать этот страстный и гневный ответ старой большевички профессору Бороздину, провозглашавшему примат страха как единственно побудителя человеческих поступков, вновь произошла авария. Снова потух свет. Но темнота не смутила и не остановила тетю Катю.

С особой силой, обжигающей сердца, звучали в мертвой тишине ее слова. Да, именно ее слова, ибо все написанное А. Н. Афиногеновым в монологе Клары было в равной мере и ее личными, выстраданными мыслями и чувствами, закаленными жизненным опытом, голосом сердца народной артистки, народного депутата.

...Да, великий это дар — способность в любых условиях находить кратчайший путь от сердца к сердцу, говорить своими словами о самом важном для тех, кто тебя слушает или читает. Научиться этому трудно. Это дается всей жизнью человека. Но без этого не быть художнику. И об этом по-своему — без лишних слов — напомнили суровым вечером 8 марта 1942 года в холодном новосибирском клубе две чудесные женщины русского искусства.